

СТАТЬИ

УДК 94

СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ В 490-е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 510-х ГОДОВ

Петров И.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», Санкт-Петербург, e-mail: ladoga033@gmail.com

490-е – первая половина 510-х гг. представляют собой первый этап славяно-византийского военного взаимодействия, характеризующийся следующими признаками. 1. К данному времени относится древнейшее упоминание под собственным именем славян в труде Прокопия Кесарийского, причем указывается, что склавины разоблены на племенные группы, не составляя политического единства. 2. Склавины самостоятельных крупных вторжений на территорию Империи еще не совершали, однако несомненно их участие в прорыве дунайской границы Византии совместно с другими племенными группами, обобщенно означенными Марцеллином «скифами» и «болгарами». 3. Имя как склавинов, так и антов отсутствует в титулатуре византийских императоров, что будет характерно для нее начиная с 530-х гг. Славяне не успели еще «зареккомендовать» себя в Империи в качестве могущественной самостоятельной политической силы. 4. Отсутствуют указания в источниках об особых зверствах славян в ходе нападений на Византию. 5. Еще нет сведений об обращении славянами пленных в рабство и, соответственно, о выкупе пленных византийцами. Сообщения Марцеллина Комита о гетском оружии 514 г. практически современно древнейшему упоминанию о склавинов у Прокопия Кесарийского около 495–512 гг. А это является важным аргументом, наряду с отождествлением Теофилактом Симокаттой славян и гетов, в пользу славянства «гетов» «Хроники» Марцеллина.

Ключевые слова: Византия, славяне, склавины, анты, император, Анастасий

SLAVS AND BYZANTIUM IN THE 490s – THE FIRST HALF OF THE 510s

Petrov I.V.

SPSIT, Saint-Petersburg State Institute of Technology, St. Petersburg, e-mail: ladoga033@gmail.com

490s – first half of 510s represent the first stage of the Slavic-Byzantine military interaction, characterized by the following features. 1. By this time there is the oldest mention under the proper name of the Slavs in the work of Procopius of Caesarea, and it is indicated that the Sklavins are divided into tribal groups, not constituting political unity. 2. Sklaviny independent major invasions of the territory of the Empire have not yet committed, however, undoubtedly, their participation in the breakthrough of the Danube border of Byzantium, together with other tribal groups, generalized by Marcellinus «Scythians» and «Bulgarians». 3. The name of both the Sklavins and the Ants is absent from the titles of the Byzantine emperors, which will be characteristic starting from the 530s. The Slavs did not even have time to «recommend» themselves in the Empire as a powerful independent political force. 4. There are no indications in the sources about the special atrocities of the Slavs during the attacks on Byzantium. 5. There is still no information about the conversion of the captives into slavery by the Slavs and, accordingly, about the redemption of the captives by the Byzantines. The reports of Marcellin Comit about the Goethe weapons of 514 are practically modern to the oldest mention of the sklavin of Procopius of Caesarea around 495-512. And this is an important argument, along with the identification by Theophylact Simokatta of the Slavs and the Gets, in favor of the Slavs of the «Gets» of the Chronicle of Marcellinus.

Keywords: Byzantium, Slavs, sklavin, Antes, Emperor, Anastasius

К концу V столетия Византия владела почти всем Балканским полуостровом – то были ее европейские провинции. Ее владычество в Малой Азии простиралось до гор Армении, а в Сирии – до Евфрата. В Африке Империя обладала Египтом и Киренаикой [1, с. 26]. Однако это внешнее могущество не должно вводить в заблуждение: уже на рубеже V–VI вв. империя столкнулась с серьезными вызовами самому своему существованию, одним из которых стали нашествия болгар и славян.

Цель исследования: изучение начального этапа проникновения склавинов и антов на территорию византийского государства, определение его специфических черт и признаков.

Материалы и методы исследования

Наибольшее внимание в исследовании уделено показаниям следующих авторов:

- 1) известиям Марцеллина Комита о скифах, гетах и болгарях;
- 2) свидетельствам Теофилакты Симокатты о славянах, именуемых гетами;
- 3) упоминаниям славян под их собственным именем на рубеже V–VI вв., сохраненным Прокопием Кесарийским;
- 4) известиям Евагрия Схоластика о строительстве Длинной стены;
- 5) показаниям Иордана об антах, венедах и склавинов.

Результаты исследования и их обсуждение

Важнейшим источником по славянскому вопросу эпохи Анастасия следует считать «Хронику» Марцеллина Комита. Однако его сведения обладают ценностью лишь в совокупности с показаниями автора «Войн», «Тайной истории» и трактата

«О постройках», а также свидетельствами Феофилакта Симокатты о славянах, именуемых гетами.

Наиболее ценные исследования наследия Марцеллина принадлежат Ed. В. Стоке [2], А.С. Козлову [3–5], Н.Н. Болгову [6]. В 2010 г., в рамках проекта кафедры всеобщей истории БелГУ «Классическая и византийская традиция», опубликованы латинский текст «Хроники» и параллельный русский перевод ее – один, выполненный Н.Н. Болговым, другой – Д.И. Суровенковым.

Хронологические рамки бесценнейшего для славянской истории сочинения Марцеллина – 379–518 гг.; позднее «Хроника» была продолжена до 534 г.

Время создания «Хроники» определяется благодаря указанию знаменитого римского политического и литературного деятеля Кассиодора, сообщившего в *Institutiones*, что «Иероним возвратился благодаря вышеупомянутому Марцеллину Иллирийцу, который, как уже говорилось, был первым канцелярием патриция Юстиниана, но который впоследствии с помощью Господа изменил общественное положение своего господина и успешно составил свое исследование истории от времени правления императора Юстина до начала триумфального правления императора Юстиниана» [6, с. 5]. Из данного скупого указания следует, что полная редакция «Хроники» была окончательно создана после 534 г., последнего года, описанного Марцеллином, но не позднее 550/551 г., когда Кассиодор явился в Константинополь в качестве беженца.

Марцеллин, в силу своего высокого социального статуса (сначала канцелярий Юстиниана, потом – комит и сенатор (*vir clarissimus*)), имел доступ к официальным правительственным документам эпохи Юстина I и Юстиниана I, вследствие чего «Хроника» содержит ряд уникальнейших фактов, в том числе имеющих отношение к истории восточноевропейских народов.

К числу главнейших источников Иллирийца относятся следующие материалы: во-первых, «История против язычников» Павла Орозия; во-вторых, биографии церковных писателей Геннадия Массильского; в-третьих, папский список, «не имеющий ничего общего с никакой другой сохранившейся летописью» [6, с. 11]; в-четвертых, Константинопольская хроника, наиболее часто используемый Марцеллином источник, отражавший преимущественно события в столице Империи. «Эта хроника, в свою очередь, была основана на так называемой Городской хронике. Марцеллин использовал этот или сходный материал...

Следуя этому источнику, Марцеллин описывает в основном крупные общественные события, стихийные бедствия, церемонии... гражданские распри (восстания, мятежи), ...набеги варваров на Балканы» [6, с. 11]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что сообщения о нашествиях «скифов», «болгар» и «гетов» и прочих «варваров» восходят у Марцеллина либо к Константинопольской хронике, либо к устной традиции, либо к собственным наблюдениям.

Рукописная традиция «Хроники» достаточно древняя, значительно древнее традиции отечественной «Повести временных лет», старейший из сохранившихся списков которой, Лаврентьевский, восходит только к 1377 г. Самая ранняя рукопись Марцеллина датируется VI в. – *Codex Tilianus* – из Оксфордской Бодлеянской библиотеки. К XI в. восходит *Codex Santomerensis* из Публичной библиотеки Сент-Омера. Имеются многочисленные рукописи XI–XV вв., хранящиеся в библиотеках и хранилищах Удине, Брюсселя, Парижа, Вены, Венеции, Оксфорда, Ватикана, Флоренции, Милана, Тулузы, Кентенбери, Берлина [6, с. 13].

Из вышесказанного очевидно, что мы имеем дело с ценнейшим источником, автор которого являлся современником императоров Анастасия (491–518 гг.), Юстина I (518–527 гг.), Юстиниана I (527–565 гг.).

Под 493 г. Марцеллин сообщает о нашествии на Фракию неких племен, объединенных под аморфным архаичным термином «скифы», причем сделан акцент на том, что «командующий войском Юлиан, сражаясь в ночной битве, погиб во Фракии, пораженный скифским (*Scythico*) оружием» [6, с. 32, 117]. Следовательно, зафиксированы нападения на Фракию «варварских» племен, нападения успешные, завершившиеся гибелью византийского войска и его военачальника.

Успеху данных вторжений могли способствовать волнения, имевшие место вслед за вступлением на престол василевса Анастасия, названные источником «городской» или «народной» войной: в 491 г. «среди византийцев началась народная война, и большая часть города и цирка была уничтожена огнем»; в 493 г. «городская война против царской власти Анастасия шла в Константинополе: статуи царя и царицы были связаны веревками и проташены по городу»; также следует учитывать, что с 492 г. «исаврийская война велась в течение 6 лет» [6, с. 117].

Кем были носители «скифского оружия», не разъясняется, однако, учитывая дальнейшие события, можно предполагать, что в них могли быть вовлечены, наряду с другими группами, и славяне.

Под 499 г. зафиксировано страшное поражение ромейской армии во Фракии от болгар, тем более знаменательное, что для защиты этой провинции выдвинулись иллирийские силы со значительным военным снаряжением: «Дуктор иллирийской армии Арист с 15 тысячами солдат и с 520 обозными телегами, нагруженными всем необходимым для боя, выступил против болгар (Vulgares), опустошавших Фракию. Сражение произошло возле реки Цурты, где на обрыве речного берега и во время бегства было убито более 4 тысяч наших. Там погиб цвет (virtus) иллирийской армии, когда были убиты комиты Никострат, Иннокентий, Танк и Аквилин» [6, с. 32, 118].

Ясно, что Фракия на протяжении 490-х гг. стала ареной постоянной войны между Империей и вторгавшимися в ее пределы «варварами». Судя по численности иллирийской армии – 15000, и количеству обозных телег – 520, во вторжения на византийские владения во Фракии были вовлечены весьма значительные силы, иногда именовавшиеся «скифами», иногда – «болгарами».

Первые десятилетия VI в. прошли аналогично последнему десятилетию V в. – в 502 г. «племя болгар (gens Vulgarorum), не встретив никакого сопротивления со стороны римской армии, снова по своему обыкновению опустошило Фракию, постоянно подвергаящуюся грабежам» [6, с. 33, 119]. Весьма симптоматично ценнейшее указание Иллирийца, что Фракия определена как провинция, «постоянно подвергающаяся грабежам».

Восстание Виталиана показано Марцеллином как движение, в котором соединились византийские и «варварские» элементы, в своем стремлении покончить с политикой императора Анастасия. Сам Виталиан, в статье за 514 г., назван «скифом», однако оружие, которым мятежник поразил военачальника Кирилла, названо «гетским»: «Виталиан Скиф (Scytha), собрав более 60000 тысяч римских всадников и пехотинцев, пришедших на сбор в течение 3 дней, прибыл в место, которое называется Септимий, и там поставил военный лагерь; расположив свои отряды от моря до моря, он, не нанося никакого вреда, подошел к воротам, которые называются Золотыми, утверждая, что прибыл в Константинополь, исключительно выступая в защиту веры православных и константинопольского епископа Македония, без вины отправленного в изгнание принцепсом Анастасием. Чуть позже он был соблазнен и обманут притворными и коварными обещаниями Анастасия, переданными вестником Феодором, и ушел на восьмой день после прибытия в город.

Оттуда Виталиан прибыл в город Одисс в Мезии, чтобы провести ночь в городской крепости. Виталиан, обнаружив Кирилла, более похотливого сводника, чем храброго военачальника, спящим между двумя любовницами, стащив его в постели, тотчас зарезал его гетским (Cetico) ножом и таким образом открыто и явно показал себя врагом Цезаря Анастасия» [6, с. 35–36, 122]. Весьма красноречивые подробности о восстании Виталиана, принадлежащие его современнику!

Упоминание о гетском оружии Виталиана проясняется в описании событий 517 г., когда «гетской конницей» были опустошены балканские провинции Империи, однако с этого времени начинается уже другой этап славяно-византийских отношений.

Следует учитывать, что трижды, под 514, 517 и 530 гг., Марцеллин упоминает о гетах, гетском оружии и гетских всадниках в связи с Фракией [6, с. 82, 122, 125]. Какое же отношение эти геты имеют к славянам и антам? Анализ византийских источников показывает, что самое непосредственное! Ведь Феофилакт Симокатта, автор первой половины VII в., осветивший в «Истории» события 582–602 гг., именовал славян гетами трижды! Именно к эпохе правления Маврикия относятся его знаменитые отождествления славян и гетов. Тот факт, что Феофилакт Симокатта неслучайно именовал славян гетами, доказывается неоднократностью подобного рода сообщений. – Для убедительности процитируем все его упоминания гетов-славян: «а геты или, что то же самое, полчища славян, причинили большой вред Фракии» [7, с. 15]; «...Приск сказал, что война начата против славян: ведь соглашения и договоры с аварами не отменяют войны с гетами» [7, с. 19]; «...они натолкнулись на шестьсот славян... ромей приблизившись к гетам – таково древнее имя этих варваров...» [7, с. 31].

Под гетами античная традиция понимала не готов-германцев, а фракийские племена, начиная с Геродота, обитавшие между Дунаем и Балканским хребтом. Феофилакт Симокатта явно присвоил это древнее имя славянам применительно к событиям последней четверти VI в. Почему же Марцеллин не мог сделать нечто подобное применительно к событиям первой трети VI в.?

Следует учитывать, что именно к эпохе Анастасия относится первое упоминание славян под собственным именем, сохраненное в бесценном труде Прокопия Кесарийского: «VI. 15. (1) Когда герулы, потерпев в бою поражение от лангобардов, поднялись с отчих мест, одни из них, как изложено у меня выше, поселились в иллирийских землях, другие же решили отнюдь не пере-

ходить реку Истр, но осели где-то на самых окраинах обитаемой земли; (2) предводительствуемые многими людьми царской крови, они прошли поочередно и все племена склавинов, миновали затем обширную пустынную землю, пришли к так называемым варнам, (3) а после них быстро прошли и через племена данов, причем варвары там не оказали им сопротивления...» [8, с. 177]. Хронология геруло-лангобардской войны недостаточно ясна исследователям – как указано в «Своде древнейших письменных известий о славянах», разными авторами были предложены различные датировки данного события – от 495 по 512 г. [8, с. 210–211]. Однако все они, как мы видим, укладываются в эпоху правления Анастасия.

Следовательно, сообщение Марцеллина о гетском оружии 514 г. практически современно древнейшему упоминанию о склавиных у Прокопия Кесарийского между 495 и 512 гг. А это является важным аргументом, наряду с отождествлением Феофилактом Симокаттой славян и гетов, в пользу славянства «гетов» «Хроники» Марцеллина.

Итак, мы наблюдаем I параллель в сообщениях Прокопия Кесарийского о славянах и Марцеллина Комита о гетах-славянах. Из двух этих сообщений следует, что славяне самостоятельных крупных вторжений на территорию Империи еще не совершали. Однако несомненно их участие в прорыве дунайской границы Византии на рубеже V – начала VI в. совместно с другими племенными группами, обобщенно означенными Марцеллином «скифами» и «болгарами».

Начавшиеся в конце V – начале VI в. вторжения болгар и славян, равно как и невозможность остановить их во Фракии, вынудили Анастасия создать эшелонированную систему обороны в непосредственной близости от столицы – о ней подробно повествует в «Церковной истории» Евагрий Схоластик: «Книга III, 38. Этот царь построил во Фракии также нечто великое и заслуживающее памяти – так называемую Длинную Стену, расположенную чрезвычайно удачно; она находится на расстоянии более двухста восьмидесяти стадий от Константинополя и соединяет два моря, наподобие пролива длиной в четыреста двадцать стадий; она делает из города почти остров вместо полуострова, надежнейшим образом переправляя желающих из так называемого Понта в Пропонтиду и Фракийское море и в то же время препятствуя варварам, появляющимся из так называемого Эвксинского Понта, из [страны] колхов, из Меотидского болота, из [областей] по ту сторону Кавказа и разливающихся волнами по всей Европе» [9, с. 245–246].

Евагрий прямо говорит, что Длинная Стена воздвигнута с целью остановить варваров, вторгающихся в Римскую державу «из так называемого Эвксинского Понта» (Причерноморье) и «Меотийского болота» (Приазовье). Следовательно, речь может идти не о германских племенах, но только либо о восточноевропейских кочевниках болгарях, либо о славянах-антах, обитавших, по свидетельству Иордана, в междуречье Днепра и Днестра. Они известны там еще с IV в., упоминаются в связи с крахом державы Германариха и падением Винитария: «анты же – сильнейшие из обоих племен – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки отдалены одна от другой на расстояние многих переходов» [10, с. 67]. Нет никаких сомнений, что Евагрий, суммарно упоминая именно припонтийских и приазовских варваров, против которых направлено было строительство Длинной Стены, имел в виду именно болгар-кочевников и славян-антов.

Выводы

На основании вышеуказанных материалов следует сделать следующие выводы относительно военного взаимодействия славян и Византии на рубеже V–VI в.:

1. Главнейшим источником по славянскому вопросу вопросу эпохи Анастасия следует считать «Хронику» Марцеллина. Научная ценность «Хроники» обусловлена тем, что сообщения о нашествиях «скифов», «болгар», «гетов» и прочих «варваров» восходят у Марцеллина либо к Константинопольской хронике, либо к устной традиции, либо к собственным наблюдениям. Самая ранняя рукопись Марцеллина из Оксфордской Бодлеянской библиотеки датируется VI в., представляя собой текст, почти современный описываемым в нем событиям.

2. Трижды, под 514, 517 и 530 гг., Марцеллин упоминает о гетах, гетском оружии и гетских всадниках! Между тем Феофилакт Симокатта, автор первой половины VII в., осветивший в «Истории» события 582–602 гг., также именовал славян гетами!

3. Сообщение Марцеллина Комита о гетском оружии 514 г. практически современно древнейшему упоминанию о склавиных у Прокопия Кесарийского около 495–512 гг. А это является важным аргументом, наряду с отождествлением Феофилактом Симокаттой славян и гетов, в пользу славянства «гетов» «Хроники» Марцеллина. Правомерно провести I параллель в сообщениях Прокопия Кесарийского о славянах и Марцеллина Комита о гетах-славянах.

4. 490-е – первая половина 510-х гг. представляют собой первый этап славяно-византийского военного взаимодействия, характеризующийся следующими признаками.

– Первый признак: к 495–512 гг. относится древнейшее упоминание под собственным именем славян в труде Прокопия Кесарийского, причем указывается, что склавины разобщены на племенные группы, не составляя политического единства.

– Второй признак: склавины самостоятельных крупных вторжений на территорию Империи еще не совершали. Однако, несомненно, их участие в прорыве дунайской границы Византии на рубеже V – начала VI в. совместно с другими племенными группами, обобщенно означенными Марцеллином «скифами» и «болгарами».

– Третий признак: имя как склавинов, так и антов отсутствует в титулатуре византийских императоров, что будет характерно начиная с 530-х гг.; славяне не успели еще «зареккомендовать» себя в Империи в качестве могущественной самостоятельной политической силы.

– Четвертый признак: отсутствуют указания в источниках об особых зверствах славян в ходе нападений на Византию.

– Пятый признак: нет сведений об обращении славянами пленных в рабство и, соответственно, о выкупе пленных византийцами.

5. Начавшиеся в конце V – начала VI в. вторжения болгар и славян, равно как и невозможность остановить их во Фракии, вынудили Анастасия создать эшелонированную систему обороны в непосредственной близости от столицы, о которой подробно повествуется в «Церковной истории» Евагрия Схоластика.

6. Евагрий сообщает, что Длинная Стена воздвигнута с целью остановить ярость варваров, вторгающихся в Ромейскую державу из «Эвксинского Понта» (Причерноморье) и «Меотийского болота» (Приазовье). Следовательно, речь может идти не о германских племенах, но либо о восточноевропейских кочевниках болгарях, либо о славянах-антах, обитавших, по свидетельству Иордана, в междуречье Днестра и Днестра.

Список литературы

1. Диль Ш. История Византийской империи / Пер. с французского А.Е. Рогинской. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 159 с.
2. The Chronicle of Marcellinus: a translation and commentary: (with a reproduction of Mommsens edition of the text). Sidney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995. XXVII. 152. 52 p.
3. Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 1992. № 26. С. 46–55.
4. Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ. 2000. № 31. С. 60–91.
5. Козлов А.С. «Варвары» комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. // АДСВ. 2003. № 34. С. 54–66.
6. Марцеллин Комит. Хроника [перевод и комментарий Н.Н. Белгова]. Белгород: БелГУ, типография ГиК, 2010. 230 с.
7. Феофилакт Симокатта (С.А. Иванов) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 10–64.
8. Прокопий Кесарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Изд. 2-е, испр. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 473 с.
9. Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI / Пер. с греч., вступ. ст., ком., приложения и указатели И.В. Кривушина. Изд. 2-е, исправ. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010. 672 с.
10. Иордан. О происхождении и деянии гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.